

15 ЯНВ 1986

СМЕНА
Л. Ленинград

СМЕНА

АЛЕКСАНДР КАЛЯГИН:

«ХОЧЕТСЯ БЫТЬ НЕОЖИДАННЫМ»

«НЕОКОНЧЕННУЮ пьесу для механического пианино» (парафраз на темы ранних произведений Чехова) Никита Михалков снял девять лет назад, но до сих пор картина пользуется большим успехом как в нашей стране, так и за рубежом. И все эти годы зарубежная пресса пишет об исполнителе главной роли Александре Калягине, называя его «проникновенным интерпретатором Чехова». Отмечая мастерство «неизвестного ранее актера», некоторые западные критики заговорили даже о «феномене Калягина». Не беру на себя смелость раскрыть здесь этот феномен, скажу только, что истоки его, на мой взгляд, в жизни 43-летнего Калягина. Недаром говорят, что художника формирует собственная биография.

Окончив медицинское училище, 17-летний Саша Калягин два года проработал на «скорой помощи» («Я видел много горя, оно запало в душу, сделало ее отзывчивей, ранимой»). Но с детства он мечтал о сцене и вот вопреки желанию матери (отец умер, когда мальчик был совсем маленьким) поступил в одно из театральных училищ Москвы. Застенчивый юноша с хриловатым голосом и непритязательной внешностью то и дело вызывал недовольство педагогов. Встал даже вопрос об отчислении. «Спас» Чехов, которого Калягин любил фанатично, — ему близки переходы писателя от смешного к трагическому (и сегодня любимый жанр актера — трагикомедия). Чехов помог раскрыться, преодолеть неверие преподавателей.

И вот Калягин — артист Театра на Таганке. Репетиции, спектакли, а в кармане — длинная бумажная «простыня» с расписанием на день: съемки в эпизодах, дубляж, ТВ, радио — обычное расписание начинающегося актера, не отказывающегося ни от какой работы. Да и как отказаться, если горе идет за тобой по пятам: смерть матери, жены, а на руках маленькая дочь... И так пять трудных, очень трудных лет.

В 1971 году Калягина пригласил во МХАТ режиссер Олег Ефремов, возглавивший тогда этот театр, — самый, пожалуй, именитый в стране (один из его основателей — гениальный реформатор сцены Станиславский). Калягин понимал сложность ситуации: Ефремов пришел в коллектив, переживавший тогда кризис (старые постановки обветшали, две-три премьеры в год не могли занять большую труппу, зал пустовал). И все же артист поставил условие — не вводить его в спектакли текущего репертуара. Тем самым он обрекал себя на бездействие, а чтобы сохранять форму, надо играть — много, часто. Да тут еще «доброжелатели» подливали масло в огонь: взяли, дескать, «кота в мешке», что у него за душой-то? Есть ли способности? Ефремов отшучивался. Калягин молчал, стиснув зубы, и — оттачивал технику, читал на эстраде Чехова, Рабле, Платонова, Маркеса... И когда он сыграл на сцене МХАТа Лёню Шиндина в остросоциальной пьесе Александра Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся», понял: лучше играть ролей несколько лет,

чем печь их, как блины.

О Калягине заговорили. Не только специалисты. Публика стала ходить «на Калягина».

И вот уже сыгран мистер Пиквик в телевизионной версии романа Диккенса; и вот уже прошествовала по экранам тетка Чарлея («Здравствуйте, я ваша тетя!») — роль — перевертыш, дань уважения смешным и грустным лентам Чаплина; и вот уже томно скучает режиссер немого кино из фильма «Раба любви»... И, наконец, Платонов — герой «Неоконченной пьесы для механического пианино».

Платонов — умница, в котором видели «второго Байрона», но жизнь, которую он откладывал «на потом», в сущности, прошла мимо... Калягин создает образ человека, понявшего, что пропал ум, пропал талант — в никчемной, ничтожной жизни. Калягин играет на контрастах: гротесково — лирично, эксцентрично, трогательно, недаром он преклоняется перед талантом Чаплина... Образ Платонова дался болью и муками — артист продирался к его сути через набившие оскомину стереотипы. Никогда не вел дневников, а тут писал, ничего не скрывая: «Полжизни унес мой Платонов, полжизни... Он меня обжег и бесследно для меня не пройдет. Это Чехов! Это школа тотальных трудностей, которая вырабатывает достойные качества в актере и человеке».

Картина не только принесла Калягину большой успех, но и круто изменила личную жизнь: Евгения Глушенко, игравшая жену Платонова, стала женой Калягина, теперь у них растет сын.

Раньше Калягин считал, что кинематограф дает ему больше, чем театр. Теперь мнение изменилось. И причиной тому — новый спектакль МХАТа «Так победим!», поставленный по публицистической драме Михаила Шатрова. Она рассказывает о последнем периоде жизни Владимира Ильича Ленина. Роль Ленина Ефремов поручил Калягину. Вот как постановщик объяснял впоследствии свой выбор: «Одна из главных черт Ленина — он борец, боец. А у Калягина — истинно бойцовский темперамент; аналитический ум помог ему верно расставить акценты, не впасть в патетику, не увлечься риторикой, Калягин создал образ, близкий и понятный нам, сегодняшним».

Говорит Калягин: «Я хотел показать гения, которому бывает трудно, который может колебаться, сомневаться. Я хотел показать живого человека. Когда я выхожу в гриме Ленина на сцену и ощущаю дыхание зала, слышу его внимательную тишину, я еще больше чувствую, насколько ответственна моя задача — говорить от имени человека, которого чтит весь мир».

Уже несколько лет народный артист РСФСР Александр Калягин преподает в Школе-студии при МХАТе. «Я могу, конечно, научить своих студентов технике, актерским приспособлениям, — говорит Калягин, — но если человек равнодушен, пассивно созерцает мир, хорошего артиста из него не получится. В крайнем случае будет ремесленник. Но — не творец. А как хочется вырастить именно творца!»

Режиссура сродни педагогике. Поэтому, видимо, Калягин решил попробовать свои силы и здесь. Недавно он поставил на ТВ фильм «Подружка моя». Дебют принят далеко не всеми, но Калягин не намерен отступать. Ведь для него творить — значит непрерывно меняться. «Снимать кальку с самого себя, — говорит Калягин, — бессмысленно, неподтверно. Но в то же время оставаться самим собой, не изменять себе — необходимое условие творчества. Хочется быть неожиданным».

Е. ЗОНИНА
(АПН)